

скорости произнесения каждой из фонационных последовательностей (ритмических групп). Значимость каждой из трех составляющих прямо коррелирует с тем порядком, в котором они представлены выше. Устранение пауз происходит в соответствии с определенной иерархией, которая имеет лингвистическую основу (расстояние между смысловыми единствами в синтаксической последовательности и их объем).

ЛИТЕРАТУРА

1. Fairbanks G. Voice and Articulation Drillbook. New York:Harper & Row Pub. 1960. 230 p.
2. Goldman-Eisler F. Pauses, Clauses, Sentence // Language & Speech. 1997. № 15. P. 103-113.
3. Lucci V. Rythme et longueur du message parlé. La conversation // Bulletin de l'Institut de phonétique de Grenoble. 1993. № 3. P. 139-152

Ольга Григорьевна СИДОРОВА –
заведующая кафедрой романо-
германского языкознания Уральского
государственного университета
им. А. М. Горького,
кандидат филологических наук, доцент

УДК 802. 0

ПРОЗА ВЕЛИКОБРИТАНИИ КОНЦА XX ВЕКА: РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются некоторые особенности развития литературы Великобритании конца XX века. Отмечается, что появление постколониальной литературы связано с конкретной исторической ситуацией. На примере творчества М. Спарк, И. Ранкина и Дж. Келмана выделяются закономерности, позволяющие говорить о возникновении в рамках британской литературы шотландской прозы.

Some peculiarities of British literature development at the end of the XXth century are described. Appearance of postcolonial literature is stated to be connected with the historic situation. Typical features of Scottish literature within British literature framework are discussed on the basis of M. Spark's, I. Rankin's and J. Kelman's works.

Еще в первой половине XX века основные англоязычные страны по-разному осуществляли подход к национальной культуре. В США получила развитие теория «плавильного котла» («the melting pot»). Сам термин впервые появился в 1908 году в пьесе эмигранта из России А. Зангвилла, который провозглашает устами героя произведения: «Америка – это тигель Господа, великий плавильный котел, где все расы Европы плавятся и изменяются!.. Бог создает Американца. . . Он будет сплавом всех наций, этот грядущий сверхчеловек» [цит. по: 1, с. 79]. В Канаде, где государство также создавалось эмигрантами из разных стран, сохранялась культурная самостоятельность разных наций. В Великобритании, где в состав империи входили десятки и сотни стран и народов, некоторые из них – с древнейшей культурой (например, Индия), официально и жестко выстраивалась культурно-иерархическая вертикаль: английский язык и культура доминиона представляли единственно допустимую норму. Классический британский литературный канон – иерархия, до недавнего времени признававшаяся как читателями, так и литературоведами, зачастую подвергался критике именно потому, что он представлял прежде всего «Умерших Белых Евро-

пейских (в данном случае английских) Мужчин», отвергая авторов, не попадавших под это определение или искусственно втискивая их в свое прокрустово ложе. Так, иностранцам можно было попасть в канонический список, только если они писали как англичане (Джозеф Конрад), женщинам – под мужскими псевдонимами (Джордж Элиот) и т. д. Только в последние десятилетия XX века ситуация в британской литературе меняется.

Британская литература конца XX века – явление многогранное, и одно из его направлений характеризуется критиками как постколониальная литература, представленная творчеством авторов – граждан Великобритании, не принадлежащих к белой расе, эмигрантами из бывших колоний, как правило, во втором поколении, получивших высшее образование в английских университетах, пишущих по-английски. Появление постколониальной литературы связано с тем, что впервые в истории Великобритании в стране появился небелый средний класс. Дети эмигрантов, выросшие в Британии, говорят на двух языках и являются носителями двух культурных традиций, что находит свое отражение в их произведениях. Определяя задачи, стоящие перед представителями данной группы авторов, можно говорить о том, что они стремятся пересмотреть концепцию национального самосознания и взаимоотношений культур, подвергнуть сомнению многие устоявшиеся стереотипы и привлечь внимание общества к тому факту, что в современном мире монолитная культура все чаще уступает место культурному многообразию. Некоторые известные имена представителей постколониальной литературы Британии – Салман Рушди (из индийской семьи), Казуо Ишигуро (японского происхождения), Тимоти Мо (из семьи китайских выходцев из Гонконга), Бен Окри (нигериец), Найпол (Карибский бассейн) и многие другие.

Обогащение британской литературы идет не только за счет добавления, включения в ее рамки иных традиций, но и за счет переосмысления и выделения ее составляющих, в частности, шотландской литературы.

Новейшая история шотландской литературы представляет собой сложный и противоречивый процесс, многие закономерности которого складываются только в конце XX века.

Некоторые факты из истории: Шотландия никогда не была покорена Англией, но две страны объединились в одно королевство в 1603 году, когда после смерти бездетной королевы Англии Елизаветы английский престол был унаследован ее родственником, королем Шотландии Иаковом. Несколько веков в составе единого государства почти лишили страну ее национального своеобразия.

Шотландия в XIX–XX веках становится высокоразвитой промышленной территорией: так, накануне первой мировой войны эта область Великобритании, где проживает только 11% населения, производит до 70% промышленной продукции страны. Война перекраивает карту Европы и меняет старый порядок вещей. Южная часть Англии богатеет, северные территории, включая Шотландию, нищают. В 30-е годы всерьез ведутся разговоры о том, что шотландцы – умирающая нация, о потере национального самосознания и полной ассимиляции ее культуры. Вторая мировая война стимулирует развитие промышленности в Шотландии. После войны начинается ее медленное и трудное возрождение. В 1979 году общенациональный референдум восстановил шотландский парламент. По многим статистическим показателям, в том числе по уровню жизни населения, Шотландия сегодня – среднеевропейская страна. В 80-е годы она значительно приблизилась к Англии по экономическим показателям и по уровню благосостояния, но заметно отдалилась в культурном аспекте, пытаясь найти собственный путь развития.

Парадоксально, но факт: одна из древнейших стран Европы (шотландское феодальное королевство сложилось в XI веке), где престиж культуры и образования всегда был очень высоким (университет в Сент-Эндрюсе появился лишь на несколь-

ко лет позже Кембриджа и Оксфорда), в сознании многих поколений читающей публики оставалась страной без литературы. Некоторые шотландские авторы, которые становились известными далеко за пределами своей страны, включались в канонический список британских (иногда даже английских) писателей (Роберт Бернс, Вальтер Скотт, Р. Л. Стивенсон, А. Конан-Дойль, М. Спарк и некоторые другие), ряд других авторов и их произведения просто выпадали из поля зрения критики и читателей.

Не вдаваясь в анализ причин такого положения вещей, отметим, однако, что современная шотландская литература все чаще заявляет о себе как о самобытной национальной литературе, отличной от литературы английской, как, впрочем, и от любой другой. Она вспоминает – и все чаще к ней обращается – свою собственную славную *историю*, свой *язык* – шотландский английский (произошел от нортумбрийского диалекта древнеанглийского языка, на который оказал заметное влияние шотландский язык, относящийся к кельтской группе), который действительно отличается от узаконенной нормы британского английского и который все чаще становится языком литературных произведений, и свое место действия, свое *пространство*.

Эдинбург появляется в англоязычной прозе XX века как литературный образ и как город литературы в раннем и одном из самых знаменитых романов Мюриэл Спарк «Мисс Джин Броди в расцвете лет» (1961). М. Спарк – автор, творчество которого англоязычная и отечественная критика традиционно рассматривала в русле британской (не шотландской), даже английской романной традиции, называя ее ближайшими предшественниками англичан Грэма Грина и Ивлина Во, проходя мимо шотландской составляющей ее романа о мисс Джин Броди. Между тем, этот роман, по мнению многих критиков (Рэндал Стивенсон, Алан Болд), становится первым произведением новейшей литературы Шотландии.

Место и время действия произведения – Эдинбург, 1930-е годы. А. Болд характеризует роман как «наполовину исторический», имея в виду прежде всего тот факт, что автор точно воссоздает психологическое состояние и настроение эпохи.

Эдинбург в романе – сложный, многогранный образ: «Много раз в своей жизни Сэнди, разговаривая с людьми, чье детство прошло в Эдинбурге, с удивлением сознавала, что существуют другие Эдинбурги, совсем не похожие на ее Эдинбург и связанные с ним только общими названиями районов, улиц и памятников» [2, с. 204]. Топография романа очень плотная: текст насыщен названиями и описаниями конкретных улиц, площадей, соборов, исторических мест, знаменитостей, чья жизнь была связана со столицей Шотландии. Действие романа неотделимо от этого окружения, и характер главной героини обусловлен не только временем, но и местом действия. Эдинбург в романе – это еще и особый стиль жизни, своя религия (кальвинизм), свой акцент, свои пристрастия и правила: «Сэнди иногда смущало, что ее мать – англичанка и зовет ее «милочка», потому что эдинбургские мамы так не говорили, а говорили «дорогая». У матери Сэнди было яркое зимнее пальто, отороченное пушистым лисьим мехом, как у герцогини Йоркской, а матери других девочек носили твидовые пальто или в лучшем случае ондатровые шубки, которых им хватало на всю жизнь» [2, с. 191].

Шотландия как страна со своей литературной традицией возникает в тексте романа М. Спарк постоянными аллюзиями и цитатами из Р. Бернса, В. Скотта и особенно Р. Л. Стивенсона. Отметим также, что само имя главной героини – историческое и литературное одновременно. Дикон Броди, молодой человек, живший в Эдинбурге в XVIII веке, долгое время вел двойную жизнь: днем он был уважаемым джентльменом, а по ночам предавался тайным порокам, включая грабежи и убийства. Разоблаченный, он был публично казнен в центре города. Там до сих пор существуют и пользуются большой популярностью паб, куда он любил приходить, и дом, принадлежавший его семье. Но Дикон Броди живет еще одной жизнью: Р. Л. Стивенсон

увековечил его в образе доктора Джекила и мистера Хайда, показывая, как добро и зло могут сосуществовать в одном человеке, в одном мире. Эту традицию продолжает Мюриэл Спарк.

В 80-е – 90-е годы XX века появляется целый ряд авторов, воссоздающих и развивающих шотландскую литературную традицию: Аласдер Грей, Ирвинг Уэлш, Дж. Келман, А. Л. Кеннеди, Иэн Ранкин и другие. Обращает на себя внимание тот факт, что, с одной стороны, все они работают в разных жанрах и направлениях (серьезная, экспериментальная, развлекательная проза), но, с другой стороны, в творчестве каждого из них прослеживаются закономерности, позволяющие говорить о выделении в рамках литературы Великобритании шотландской составляющей: свой язык, своя история, свое пространство.

Так, детективы Иэна Ранкина об инспекторе полиции Джоне Ребусе с полным основанием можно охарактеризовать как эдинбургские романы. Город становится не только пространством, но героем произведений Ранкина. Образ Эдинбурга многогранен: благостная легенда о чудесном городе, «северных Афинах», сосуществует в текстах произведений с легендами о другом Эдинбурге, городе Дикона Броди, доктора Джекила и мистера Хайда. Это идеальное место действия детективных историй, где замечательные дворцы и монументы сосуществуют с унылыми кварталами бедноты, в которых, кажется, всегда идет дождь, а их обитатели живут как будто в ином мире, чем богатые туристы, приезжающие в Эдинбург со всего света.

Второй город современной шотландской прозы – Глазго. В реальности Глазго – крупный промышленный центр, и его жители говорят на своеобразном диалекте, который не всегда понятен за пределами этой территории. Характерный акцент жителей Глазго отчетливо слышен в произведениях Аласдера Грея и Джеймса Келмана.

Джеймс Келман привносит в литературу новый голос – голос обычных, не очень образованных жителей Глазго, которые до этого оставались за пределами изображения литературы. Рассказы Келмана в большинстве своем написаны в форме сказа, то есть в основном построены как монологическое повествование с использованием характерных особенностей разговорно-повествовательной речи жителей Глазго и его окрестностей. Келман расширяет сферу изображения литературы географически и социально – этим объясняется своеобразие лингвистических выразительных средств в его рассказах: смешение лексики (сленг, шотландские диалектизмы, почти табуированные инвективы иногда в каждой строчке, используемые в качестве междометий), разговорный синтаксис, своеобразная фонетическая орфография, почти полное отсутствие знаков препинания внутри фразы. Графически текст Келмана идет сплошным потоком, без деления на части и абзацы, своеобразно отражая поток сознания героя, даже если повествование ведется от третьего лица. Центральный рассказ сборника «Ожог», давший название всей книге, представляет собой именно такую сложную комбинацию повествовательных форм. Сплошной текст на шести страницах – это «срез» сознания героя, высвечивающий его прошлое, настоящее, планы на будущее, местоимение «he» (он) по отношению к герою – это не только попытка объективизировать картину жизни, вывести трагедию индивидуального существования в другой масштаб, но и оценка лингвистической (не эмоциональной!) неразвитости героя. Монологи Келмана – голоса людей, традиционно не представленных в литературе. За их неумением говорить стоят настоящие драмы и трагедии, трагедии без внешних эффектов, драмы повседневного существования. Один из английских критиков так отозвался о творчестве Келмана: «Это язык сантехников и таксистов, и я не знаю, как его оценить» [цит. по: 3].

Представляется, что именно такого воздействия на читателей добивался писатель: «В разных культурах существуют разные предрассудки. Никто не существует вне того языка/языков, на котором он говорит. Как бы ни старались писатели, они, как и все остальные люди, остаются частью языка. Это не значит, что у них нет

возможности освободиться от... предрассудков той культуры, в рамках которой они существуют по праву рождения, это значит, что им придется побороться, чтобы освободиться от предрассудков.... Для писателя полем битвы является язык» [4, с. 22].

Строя все свои рассказы на использовании одного из диалектов современного шотландского английского, Келман вводит в литературу новых героев и новую философию, новое пространство и новый взгляд на мир. Он отстаивает право писателя «творить изнутри собственного социально-культурного опыта... Я хотел писать, как это делал бы близкий мне человек, я хотел писать и при этом оставаться в своей среде» [4, с. 81]. Придя в литературу на рубеже 60-х – 70-х годов, он обнаружил, что «в том обществе, которым является английская литература, около 80–85% населения просто не существуют как обычные люди» [5, с. 82]. Начав говорить от имени части обычных людей, их голосом, их (и своим) языком, Келман описал конкретную социально-культурную ситуацию Глазго конца XX века и тем самым внес свой вклад в процесс формирования шотландской литературы в рамках британской прозы.

Описывая культурную ситуацию в мире в конце XX века, социологи часто употребляют термин «глобализация», имея в виду прежде всего возможность разных культур знакомиться друг с другом, возрастающую доступность достижений одной культуры для носителей других культур. Глобализация, таким образом, должна вести и ведет к более полному осознанию собственных национально-культурных ценностей, к выявлению общих закономерностей и характерных особенностей национальной культуры, проявляющихся при сопоставлении с другими традициями. Процессы, происходящие в литературе Великобритании, имеют свои корни в конкретно-исторической ситуации распада империи и культурно-национального возрождения Шотландии. Очевидно, что литература, которая создается в Шотландии в конце XX века, обогащает британскую литературу и меняет многие привычные представления. Конец века – конец тысячелетия ведут к началу новой эпохи, в том числе в литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по: *O'Callaghan B. An Illustrated History of the USA. Longman, 1993.*
2. *Снарк М. Мисс Джин Броди в расцвете лет // Снарк М. Избранное. М., 1984. С. 179–278.*
3. Цит. по: *McDonald G. The horrors, the horrors. Лекция, прочитанная в Эдинбургском университете 13. 08. 1999.*
4. *Kelman J. English Literature and the Small Coterie // Kelman J. Some Recent Attacks: Essays Cultural and Political. A. K. Press, 1992. P. 16–26.*
5. *Kelman J. The Importance of Glasgo in My Work // Kelman J. Some Recent Attacks: Essays Cultural and Political. A. K. Press, 1992. P. 78–84.*